

АРМЯНСКАЯ МИНИАТЮРНАЯ ЖИВОПИСЬ XII ВЕКА
(по нескольким рукописям Матенадарана)

Доктор искусствоведения Т. А. ИЗМАЙЛОВА (Ленинград)

В настоящее время существует мнение, что до наших дней сохранилось незначительное количество иллюстрированных армянских рукописей XII в. По-видимому, это объясняется лишь тем, что они еще недостаточно выявлены и не спруппированы. Наиболее изучены С. Тер-Нерсесян, Р. Г. Дрампяном, Л. А. Дурново киликийские рукописи этого столетия, поэтому они и оставлены нами в стороне. Здесь мы рассматриваем несколько датированных и локализованных рукописей Матенадарана XII в. Исполненные в различных скрипториях, они позволяют говорить о некоторых существовавших в то время направлениях.

Как известно, в XI в. Багратидское царство пало под натиском Византии и сельджукского завоевания. Падение единого политического образования, раздробление страны, частично находившейся под властью чужеземных завоевателей, искоренение родовой знати сопровождалось в области искусства известным обрывом традиции. Однако некоторые миниатюры XII в. можно рассматривать как последние звенья течений, существовавших в предшествующий период. К числу таких реминисцирующих миниатюр мы относим заглавные листы (пергамен) Четвероевангелия (Матенадаран им. Маштоца¹ 10360), исполненного в Харберде. Предназначенные для другой рукописи, они были вставлены в это Евангелие вскоре после его завершения². Изящное и тонкое оформление этих листов, мягкая светлая красочность, обилие золота выдают аристократический вкус заказчиков. Декор же, не выпадая из норм современной им армянской миниатюрной живописи, имеет свои особенности. В заставках и их орнаментации можно заметить некоторые контакты с декором византийских рукописей X—XI вв., хотя и переработанным армянским мастером.

Остановимся на заглавном листе Евангелия от Марка. Не только П-образная форма заставки, но и украшающая ее орнаментация сходны с заставкой греческой рукописи X в. (Париж, Нац. биб-ка Coislin 195)³. И в том, и в другом случае видим чередование однотипных розеток, однако, в противоположность греческой, в харбердской рукописи заставка сочетается с крупным инициалом. Такая композиция заглав-

¹ Далее мы обозначаем это собрание буквой М.

² Т. А. Измайлова, Заглавные листы Харбердской рукописи 1160 года, — «Историко-филологический журнал», 1975, № 4, рис. 1—4.

³ Там же, рис. 2, 7.

ного листа складывается в армянской миниатюрной живописи в XII в. Это дает указание на то, что традиция, родственная греческой рукописи X в., не синхронна этому времени, но должна была войти в данное течение раньше, возможно, в XI в. Вместе с тем на незавершенный этап формирования заглавного листа указывает отсутствие маргинала. Отсутствуют и символы, широко известные в армянских Евангелиях XII в., но не характерные, так же как и маргинал, для греческих рукописей. Думаем, что заглавные листы Евангелия 1160 г. знакомят нас с еще одним из аспектов «византинизирующего» направления миниатюрной живописи Армении, предшествующие звенья которого до нас не дошли.

Ту же тенденцию прослеживаем и на другом заглавном листе Харбердской рукописи—к Евангелию от Матфея. Арка, хотя и заключенная в прямоугольное обрамление, повторяет построение и орнаментировку хора на вышеупомянутой греческой рукописи⁴.

Можно предположить, что листы Харбердского Евангелия были не единственными представителями этого течения; сходные рукописи могли быть известны и в других скрипториях. Подтверждение тому находим в декоре Четвероевангелия 1200 г. (Лондон, Британская библиотека 13654), исполненного на пергамене в Аваг Ванке близ Ерзнка⁵. Остановимся лишь на наиболее типичном для обеих рукописей декоре заглавных листов к Евангелию от Матфея, в которых сказывается определенное сходство⁶.

В претерпевшей значительные стилистические изменения заставке этого листа более позднего кодекса, при широком использовании византийского цветочного орнамента, хотя и в собственной трактовке, полуциркулярная арка не теряет еще полностью своего значения. Символы добавлены, по-видимому, позднее. Но мы обращаем внимание не столько на заставку рукописи 1200 г., сколько на инициал, тип которого безусловно сходен с инициалом того же заглавного листа Харбердской рукописи. Не вдаваясь в детали, отметим лишь процветший конец его. Такой ярко выраженный своеобразный прием, различно решенный мастерами, отделенными друг от друга временем, при этом в различных скрипториях, представляет исключение для трактовки инициалов других армянских рукописей XII в. Естественно, что в более позднем кодексе наблюдаются значительные изменения, в частности, возникающие под киликийским влиянием.

К сравнительно ранним рукописям XII в. относится и Четвероевангелие 1171 г.⁷ (М. 313), исполненное в Эдессе на бумаге. Его декор представляет своеобразную струю армянской миниатюрной живописи,

⁴ Там же, ср. рис. 1, 8.

⁵ Т. А. Измайлова, Харбердский образец в заглавных листах рукописи Аваг Ванка 1200 г.—«Историко-филологический журнал», 1977, № 3.

⁶ Ср. Т. А. Измайлова, Заглавные листы..., рис. 1; ее же, Харбердский образец..., рис. 1.

⁷ Т. А. Измайлова, Эдесская рукопись 1171 г. (Матенадаран 313),—«Труды Гос. Эрмитажа», т. XIX.

сформировавшейся, видимо, в демократической среде. При общем достаточно высоком качестве художественного оформления и гармоничной неяркой красочной гамме золото отсутствует. В этой рукописи, которую украшают только заглавные листы и маргиналы, наблюдается слияние различных истоков. В Ев. от Иоанна⁸ появляется П-образная заставка, не только форма, но и орнаментальная композиция которой близка к одной из заставок «Нарека» 1173 г. (М. 1568)⁹—киликской рукописи, наиболее близкой к «византизирующему» направлению.

Контакты с византийскими рукописями в Ев. 1171 г. сказываются в появлении не только П-образной заставки, но и заставок, прорезанных квадрифолием, например в заглавном листе к Ев. от Матфея¹⁰. В деталях его довольно четко намечается связь с провинциальными греческими рукописями. Так, рейка инициала Ϙ (г) на этом листе оформлена в виде руки с четырьмя длинными, заостренными, плотно прижатыми друг к другу пальцами и далеко отставленным большим. Такая трактовка руки, не характерная для армянской миниатюрной живописи, встречается в южноитальянских греческих рукописях IX—X вв., хотя порой и с благословляющим перстосложением¹¹. Видимо, эта традиция рано вошла в один из эдесских скрипториев.

Совершенно противоположно оформление заглавного листа к Ев. от Луки¹² той же рукописи—заставка появляется здесь лишь над одним столбцом. Контуры украшающего ее растительного узора подчеркнуты S-образным завитком. Выделяясь ярким колоритом на черном фоне, такой декор выдает явно восточный акцент, подчеркнутый и в некоторых маргиналах рукописи¹³. Тот же восточный акцент оказывается и в геральдическом изображении вишапов в маргине заглавного листа к Ев. от Марка¹⁴, образ которых столь характерен и для самой Армении. Заставка и здесь прорезана квадрифолием.

Все эти элементы, идущие из разных истоков, переработанные творческой силой мастера, приведены к единству художественного образа в заглавных листах, композиционная схема которых, при наличии в ней уже и маргинала, характерна только для Армении.

Значительного расцвета достигает в XII в. иллюстрирование рукописей в Бардзр-Хайке (Высокая Армения). Наиболее яркое представление о новом стиле миниатюрной живописи, отвечавшем требованиям своего времени, дает рукопись 1181 г. (М. 6264, пергамен), исполненная в Каринской области (монастырь Хачка)¹⁵. Рукопись открыва-

⁸ Там же, рис. 4.

⁹ *Լ. Ռ. Աղաբաբյան, XII—XIII դդ. Կիլիկյան ձեռագրերի մանրէկարգությունը, Երևան, 1964, рис. 13.*

¹⁰ Т. А. Измайлова, Эдеская рукопись..., рис. 1.

¹¹ Там же, рис. 11, 12.

¹² Там же, рис. 3.

¹³ Там же, рис. 8.

¹⁴ Там же, рис. 2.

¹⁵ Т. А. Измайлова, Каринская рукопись 1181 г. (Матенадаран 6264),—«Византийский временник», № 40, 1979.

ется великолепно украшенными хоранами¹⁶. Многокрасочная, крупная орнаментация, глубокая яркая тональность выдает характерную для всего стиля декоративность и органическую связь с восточным художественным миром. При этом в трактовке отдельных элементов, в общем монументализме художественного образа, в насыщенности колорита сказывается полная самостоятельность армянского художника.

В оригинально оформленных, по-видимому вторым мастером, заглавных листах Евангелия 1181 г.¹⁷ в колорите преобладает красный цвет, отличны и элементы орнамента. Символы, помещенные на заставках, появляются здесь в ранней серии. Так, лев (символ евангелиста Марка) и бык (символ евангелиста Луки) представлены как земные животные—без крыльев, нимбов и кодексов¹⁸. В композиции и декоре заглавных листов явно ощущается проникновение народной струи.

В качестве наглядного примера, подтверждающего это положение, можно привести оформление заглавного листа к Ев. от Матфея, в котором намечается связь с архитектурной композицией деревянного жилого дома. Крупный инициал Φ вписан в одну из трех арок, прорезывающих прямоугольник, который как бы воспроизводит стену. Опорой арок служат столбики с капителями в виде наложенных одна на другую плиток, в свою очередь опирающихся на широкую рейку инициала. С народным искусством,—раппортом, скорее всего вышивки—можно связать и орнаментальное заполнение заставки. На ней погрудное изображение человека—символ евангелиста Матфея, принятый также из ранней серии, хотя здесь он уже представлен с нимбом.

К этому же кругу, хотя и в некотором варианте, следует отнести отдельный заглавный лист Венского собрания (456, 1, 1, пергамен)¹⁹ и менее совершенное по качеству украшения, также исполненное в области Карин (монастырь Хатамлуц) Евангелие 1186 г. (ИБ АН СССР, С-65)²⁰. В каком-то соотношении с этой группой рукописей, судя по сходной серии символов, находится Четвероевангелие Честер-Битти, которое С. Тер-Нерсесян датирует концом XII в. и допускает возможным локализовать в Хормос-Ванке или Ахпате²¹. Вышеизложенное, хотя и не дает основания говорить о школе, может указывать на существование многообразного, но единого по своей художественной направленности мощного течения. Одним из его аспектов является оформление рукописи М. 2877 (пергамен), текст которой, как указывает Га-

¹⁶ Там же, рис. 1—9.

¹⁷ Там же, рис. 10—13.

¹⁸ Там же, рис. 11—12.

¹⁹ H. u. H. Buschhausen, Die illuminierten armenischen Handschriften der Mechitaristen Congregation in Wien, Wien, 1976, табл. 14.

²⁰ Т. А. Измайлова, Каринская рукопись 1186 г. (ИБ АН С-65),—«Историко-филологический журнал», 1974, № 1. Сохранились два заглавных листа и маргиналы.

²¹ S. Der-Nersessian, The Chester Beatty Library. A Catalogue of the Armenian Manuscripts, v. 1, Dublin, 1958, стр. 18—21.

регион Овсепян, был переписан в первой половине XI в. Однако миниатюры ее относятся к 1183 г., времени реставрации рукописи, о которой свидетельствует памятная запись²² (первоначальная запись не сохранилась). Иллюстрации этого кодекса представляют более самостоятельный скрипторий, находившийся в Ерзика, хотя и не выпадают из общего для Бардзр-Хайка направления. Оригинальность декора хоранов, в целом выполненных в нормах XII в., определяют цветущие кусты и плодовые деревья, как бы заимствованные из иллюстраций научных трактатов²³. Они заставляют вспомнить определенную группу маргиналов Мушского Чарынтира (М. 7729).

Из всех рукописей XII в., известных нам для Коренной Армении, только в этом кодексе имеются три стилистически неоднородные миниатюры, помещенные перед текстом: четыре евангелиста изображены, как в архаических кодексах, на одном листе, стоящими во весь рост; композиция «Благовещения» иконографически тесно связана с восточной традицией, однако при общей бесплотности фигур складки одежд охарактеризованы до некоторой степени объемно. В еще большей мере это относится к ликам Марии и Гавриила. При всем национальном акценте в них сказываются особенности комниновского стиля (то же — в каппадокийских росписях определенного периода). На третьей миниатюре представлена сцена «Рождества», в некоторых компонентах которой намечаются контакты с искусством Сирии, в какой-то мере Ирака²⁴. Такое сочетание различных истоков характерно для времени, когда в атмосфере творческого подъема и исканий складываются новые стилистические черты армянского искусства. В целом же особенно декоративные композиции приведенных рукописей Бардзр-Хайка позволяют установить новый взлет оригинального развития армянской миниатюрной живописи, который и лег в основу ее дальнейшего развития в Коренной Армении.

В настоящее время перед исследователями стоит задача выявления иллюстрированных рукописей XII в. среди недатированных и не локализованных кодексов. Такая попытка была сделана нами в отношении Четвероевангелия М. 6249 (бумага)²⁵, не имеющего первоначальной памятной записи. Его заглавные листы и маргиналы удалось поставить в связь с двумя Четвероевангелиями, написанными также на бумаге. В соответствии с памятными записями, они локали-

²² Л. А. Дурново, Краткая история древнеармянской живописи, Ереван, 1957, стр. 26, 27; Т. А. Измайлова, L'iconographie du Ms. 2877 du Matenadaran, «Revue des Études arméniennes», nouvelle série, т. I, II, Paris, 1964, 1965; S. Der Nersessian, L'art arménien, Paris, 1977, стр. 209.

²³ Т. А. Измайлова, L'iconographie du Ms. 2877..., RĖArm, n. s., t. I, илл. XV—XIX.

²⁴ Там же, т. II. «Благовещение» (илл. XVI), «Евангелисты» (илл. XXIII), «Рождество» (илл. XXVI).

²⁵ Т. А. Измайлова, Сюникская школа армянской миниатюры второй половины XIII—начала XIV вв., — «Историко-филологический журнал», 1978, № 2.

зуются в Сюнике и имеют точную дату. Одно из них, хранящееся в библиотеке монастыря Аменапркич в Нор-Джуге за № 35, было исполнено в Гндеванке писцом-художником Ованнесом из Таната-ванка в 1284 г. Второе вошло в собрание Матенадарана за № 3722. Эта рукопись исполнена в Нахичеване в дастакерте Асталап у берегов реки Аракс в 1304 г.

В качестве примера, для доказательства родства всех трех кодексов, сравним заглавный лист к Ев. от Матфея²⁶. Не останавливаясь на деталях, заметим лишь общекомпозиционное сходство. При несколько различной трактовке, вызванной изменением стиля во времени и личностью мастера, общий образец несомненен. То же и в маргиналах (в кодексе Нор-Джуги оставшихся нам неизвестными). Можно утверждать, что кодекс М. 6249 был также написан в одном из скрипториев Сюника; за это говорит и колорит, родственный в Евангелиях М. 6249 и М. 3722—он отличается от колорита рукописей Бардзр-Хайка.

Что касается датировки, то кодекс М. 6249 можно считать наиболее ранним по отношению к рукописям 1284 и 1304 гг. Мы мотивируем это большей строгостью его декора, монументализмом и обобщенностью принятых в нем композиций. Если даже на основании шрифта кодекс М. 6249 и следует отнести к XIII в. (но до 1284 г.), то у нас есть достаточные основания предполагать, что процесс становления декоративных форм, представленных в нем окончательно сложившимися, должен был происходить уже в XII в.,—видимо, так же как в Бардзр-Хайке, с середины этого столетия. Характерно, что все упомянутые рукописи, в которых расцветает преимущественно декоративный стиль, относятся к последним десятилетиям XII в.—времени, когда он предстает уже окончательно сложившимся. Принятые и переработанные в нем в различных вариантах разнообразные элементы, которыми так богато было искусство Переднего Востока, подчинены собственной традиции и требованиям украшения евангельской книги.

Стилевыми чертами миниатюрной живописи этого периода стали декоративизм с характерной для него плоскостной трактовкой многообразных орнаментальных композиций и присущий только армянской миниатюре колоризм, не однозначный в различных ее если не школах, то местных проявлениях.

В свете сказанного можно было бы поставить вопрос о месте, где было исполнено относящееся, безусловно, также к XII в. Четвероевангелие М. 7737, не имеющее памятной записи. Ранее основанием для его датировки был не относящийся к Тюбингенскому Четвероевангелию (МА, XIII. 1) колофон 1113 г., в котором указывалось на Дразарк как на место его исполнения; механически это переносилось на сходное

²⁶ Там же, рис. 3—5.

с ним по художественному оформлению Евангелие М. 7737. Правильная локализация этих двух кодексов и уточнение их датировок сможет пополнить наши представления еще об одном течении армянской миниатюрной живописи XII в.

Даже краткая характеристика нескольких рукописей Матенадарана позволяет говорить о наличии в этом столетии ряда скрипториев, различных по своим тенденциям, при общей направленности стиля в целом. Нет сомнения и в том, что количество рукописей, относящихся к XII в., в дальнейшем удастся значительно увеличить.

XII դԱՐԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՄԱՆՐԱՆԿԱՐՁՈՒԹՅՈՒՆԸ
(Ըստ Մատենադարանի մի քանի ձեռագրերի)

Արվեստագիտության յոկտոր Տ. Ա. ԻԶՄԱՅԼՈՎԱ (ԱԵԻՆԳՐԱԳ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Մատենադարանի մի քանի թվագրված և տեղագրված ձեռագրերը, որոնք ներկայացվում են հոդվածում, հնարավորություն են ընձեռում հետազոտելու XII դարի երկրորդ կեսի հայ ծաղկողների գործունեությունը:

Այս նպատակով օգտագործված են բուն Հայաստանի տարբեր վայրերում ստեղծված ձեռագրերը. Ավետարան 1160 թ., Խարբերդ, Մ. 10360, Ավետարան 1171 թ., Եղեսիա, Մ. 313, Բարձր Հայքի ավետարան 1181 թ., Մ. 6264 և Երզնկա ավետարան (Մ. 2877): Համեմատությունների ճանապարհով Սյունիքում ենք տեղագրել հավանաբար XII դարավերջին գրված N 6249 ավետարանը, որի ստեղծման տարեթիվը և վայրը անհայտ են: